

Шарлотта Эйзинбург

ТАЙНА ВОЛШЕБНОЙ ПЕКАРНИ

Шарлотта Эйзинбург
Тайна Волшебной пекарни

«Литнет»

2026

Эйзинбург Ш.

Тайна Волшебной пекарни / Ш. Эйзинбург — «Литнет», 2026

Вчера я была Алисой, кондитером из Петербурга. Сегодня я — Элис, невеста лорда-дракона, которого я видела лишь раз на унижительной церемонии. Он ненавидит людей, а я для него — символ позора. Теперь я в бегах. Во мне просыпается запретная магия, превращающая обычную муку в волшебную выпечку. За мной охотятся, но я иду вперёд — к правде о прошлом этого тела и к тайнам сгоревшей семейной пекарни. Мой побег — это битва за свою свободу и жизнь в мире, где я чужая и желанная добыча для всех. И ты мне не помешаешь, Драконишка!

© Эйзинбург Ш., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Аккуратно выдавливаю последний завиток сливочного крема на торт и, склонив голову, критически осматриваю своё творение.

— Просто идеально, — восклицаю, прокручивая поворотный столик.

Шоколадный торт с вишнёвым конфи — заказ на юбилей. Клиентка сказала: «Сделайте так, чтобы гости плакали от восторга». И, судя по всему, будет именно так!

Отставляю кондитерский мешок в сторону, потягиваюсь и делаю шаг к раковине, чтобы помыть руки.

Нога резко скользит по мокрому полу.

— Что за...?!

Вот же чёрт! Я же пару минут назад разлила стакан с водой, собиралась вытереть, но отвлеклась на крем...

Мысль не успевает закончиться.

Затылок с размаху бьётся о плитку, в глазах вспыхивают белые звёзды, а потом...

Темнота.

....

— Просыпайся, девчонка, а то опоздаешь! — грубый женский голос и хлёсткий шлепок по щеке моментально приводят меня в чувство.

Я открываю глаза — и сразу закрываю от яркого солнечного луча, бьющего прямо в лицо.

— Ну наконец-то. Вставай, тебя уже ждут, — надо мной склонилась дородная женщина в сером платье и фартуке, её лицо испещрено морщинами, а в руках — деревянная ложка.

— Где я? — сажусь и тут же хватаюсь за голову. Болит так, будто по ней проехался каток.

— В доме лорда Вейлана, где же ещё? — женщина фыркает и, взяв со стула белоснежное платье, выполненное из лёгкого кружева с вышивкой из бисера и жемчуга, подносит ко мне. — Одевайся, церемония начнётся через десять минут.

Так, а это ещё что за бред? Какая ещё церемония?

— Вы о чём вообще? — морщусь, устало потирая виски. — Как я здесь оказалась?

Осматриваю небольшую комнатку, залитую солнечным светом. Комнатушка совсем крошечная. Это явно не больничная палата. Стены из грубого камня, кое-где обшарпанные, с потрескавшейся побелкой. Кровать, на которой я сижу, скрипучая, узкая, с потёртым шерстяным одеялом сверху. В углу стоит сундук, весьма себе добротный, как из сказок.

— Хватит изображать из себя дурочку, Элис, — рывком поднимает меня на ноги. И откуда только у неё столько силы? Мне давно уже не восемнадцать лет, когда я весила пятьдесят пять килограмм и меня вот так с лёгкостью можно было поднять. — Смотри на себя в зеркало и вспоминай кто ты и что ты!

Женщина указывает на небольшое настенное зеркало в деревянной раме, висящее возле окна.

— К-а-а-к, меня зовут? — опешив провожу по гладкому белоснежному лицу, затем зарываюсь руками в копну золотистых кудряшек и округляю голубые глаза.

Это же не я?

Н-е-е-е-т! Божечки, нет!

— Элис Ларен, — шипит женщина. — Тебя зовут Элис Ларен!

Элис Ларен?

Я же Алиса. Алиса Соколова, кондитер из Питера. А это белокурая девушка лет двадцати — это не я!

Мои брови скакнули вверх, я прижала ладони к щекам и начала как рыба жадно хватать ртом воздух. Это всё какой-то розыгрыш? Пока я валялась без сознания меня загримировали и переодели в эти лохмотья?

Поднимаю дрожащие руки перед собой и пристально рассматриваю. Нет, это не мои руки. Пальцы слишком длинные, аккуратные, как у пианистки. Мои же пухленькие и маленькие.

— Скорее же, бестолочь! Сегодня твоя свадьба! — Женщина срывает с меня старое потрёпанное платье и помогает надеть через голову белоснежное.

От шока у меня не получается сопротивляться и я просто подчиняюсь этой грубой незнакомке.

— Скажите, за кого я выхожу замуж? — на последнем слове голос срывается.

— За Лорда Вейлана. По приказу короля, — она утягивает корсет платья сзади так, что на мгновение у меня перехватывает дыхание.

Я снова смотрю в зеркало. Передо мной стоит очаровательное, нежное создание с тонкой талией в белоснежном платье, которое ей так к лицу.

Резко мою голову будто сжимают тиски. Я хватаюсь за неё обеими руками. В сознание врываются обрывки воспоминаний.

Сирота. Нищая. Родители — пекари, погибли при пожаре. А теперь...

Меня выдают замуж за дракона!

Щипаю себя за руку — больно.

Это же сон! Это очень реалистичный сон! Это не может быть правдой!

— Только попробуй сорвать церемонию! — шипит женщина. — Или я тебя до скончания твоих дней запру в этой комнатухе.

Грубьянка толкает меня в дверной проход и, взяв за руку тащит вниз по лестнице.

— Добро пожаловать в новую жизнь, — шепчу я себе, спешно перебирая ногами в маленьких хрустальных туфельках.

Глава 2

Хрустальные туфельки предательски поскрипывают на мраморных ступенях, когда меня выталкивают в огромный зал. Я замираю на пороге, ослеплённая блеском золота и сотнями горящих свечей, чьи отражения танцуют на позолоченных стенах. Тяжёлый, сладковатый запах растопленного воска смешивается в воздухе с терпкими нотами дорогих духов и едва уловимым, но навязчивым запахом пота, исходящим от толпы.

— Идём, не задерживайся! — прошипела сопровождающая меня женщина, впиваясь костлявыми пальцами мне в спину.

Я делаю шаг — и тут же слышу ропот толпы.

Красная дорожка, расшитая золотыми нитями, тянется через весь зал, будто река крови. По обе стороны стоят люди — богатые, знатные, в роскошных нарядах, усыпанных драгоценностями. Их лица расплываются в улыбках, но глаза... Глаза холодные, любопытные, будто они смотрят на диковинное животное, которого вот-вот поведут на убой.

— Вот она, невеста! — звонкий голос прорезал гул.

— Бедняжка, — прошептала дама в перьях, пряча за веером усмешку.

— Интересно, сколько она проживёт? — хихикнул молодой дворянин, играя перстнем с фамильным гербом.

Я сжимаю кулаки, чувствуя, как по спине бегут мурашки. "Это не моя жизнь. Это не я." Но мои хрустальные туфельки, будто зачарованные, сами несут ноги к свадебному алтарю. Я боюсь посмотреть вперёд. Мне страшно встретиться взглядом с моим будущим мужем.

Ой, Алиска, ну чего ты боишься?! В реальной жизни мужа не встретила, так хоть может здесь повезёт.

— Не повезёт! — вдруг раздаётся громогласный мужской голос у меня в голове.

Я вздрагиваю и испуганно поднимаю глаза. К горлу подкатывает неприятный горький ком, а на язык ложится привкус железа, по спине прокатывается капля холодного пота, проступая сквозь кружево платья.

Лорд Вейлан стоит у алтаря, освещённый светом свечей. Уголки его губ дёргаются в дерзкой, хищной ухмылке.

Это его голос в моей голове?!

Они здесь что, мыслями общаются?

Я медленно подхожу ближе, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди, а дыхание спёрто в горле.

Он великолепен.

Высокий, статный, словно высеченный из тёмного мрамора. Брюнет с волосами, чёрными как смоль, собранными в строгий хвост. Широкие плечи, мощные руки, скрещённые на груди. Лицо — холодное, словно маска, но в глазах горит золотисто-янтарный огонь.

Как у хищника.

Он смотрит на меня, не мигая, и в его взгляде читается презрение и скука.

Толпа зашептала, шорох сотен платьев и шарканье ног стали громче:

— Она дрожит!

— Смотрите, лорд насмехается над ней.

— Бедная дуручка...

Я встаю напротив своего будущего мужа, застыв как изваяние, каждый мускул напряжен до дрожи.

— Во имя Света и Тьмы, во имя Крови и Пламени... — неуверенно начинает священник.

Он говорит о долге, о королевской воле, о союзе, который должен укрепить мир между людьми и драконами.

— Лорд Вейлан, вы принимаете эту женщину как свою супругу?

Вейлан не отвечает. Он лишь кивает, даже не удостоивая меня взглядом.

— Элис Ларен, вы принимаете этого мужчину как своего супруга?

Я открываю рот, но слова застревают в сухом горле.

— Говори! — прошипела женщина позади меня, её дыхание, пахнущее луком, коснулось моей шеи.

— Я... принимаю, — прошептала я, чувствуя, как дрожат мои губы.

Вейлан хмыкнул и закатил глаза.

Священник поспешно продолжил.

— Обменяйтесь кольцами как знаком вашего союза.

Вейлан медленно берёт мою руку. Его пальцы холодные, как лёд. Он надевает кольцо грубо, будто делает это против своей воли.

— Теперь ваша очередь, невеста.

Мои дрожащие пальцы берут его руку. Я надеваю кольцо на палец, едва попадая в цель, и отпрыгиваю, словно обожглась.

— Я объявляю вас мужем и женой! — провозглашает священник.

Толпа зааплодировала, подбрасывая кверху шапки.

Вейлан же разворачивается и уходит, не дожидаясь конца церемонии, его тяжёлые сапоги глухо стучат по мрамору.

Он не говорит ни слова.

Не смотрит на меня.

Просто оставляет стоять у алтаря, как ненужную вещь.

— Пройдёмте, — чья-то рука в грубой, потёртой кожаной перчатке решительно берёт меня под локоть, шершавая материя впивается в кожу.

— Куда вы меня ведёте? — хмурюсь, голос охрип от напряжения.

Но мужчина молчит.

Мне ничего не остаётся делать как подчиниться.

Я иду, не чувствуя ног, пока меня не сажают в чёрную карету без окон.

Дверь захлопывается и вокруг меня смыкается темнота, густая и непроглядная, как смола. Я втягиваю голову в плечи, бессознательно принимая позу затравленного зверька...

Глава 3

Темнота. Густая, липкая, как деготь. Она обволакивает меня со всех сторон, давит на веки, забивается в рот и нос. Я сижу, сжавшись в комок на холодном, жестком сиденье, дрожа от страха.

Дышать тяжело – воздух спертый, пахнет пылью, старой кожей и чем-то... металлическим. Грохот колес по неровной дороге отдается глухим стуком в висках, сливаясь с бешеным стуком моего сердца. Бум-бум-бум.

Карета без окон. Конечно. Чтобы невеста не сбежала по дороге в неизвестность. Горькая усмешка застревает где-то в горле. Я мысленно представляю этого лорда Вейлана. Его холодные, как лед пальцы. Хищную ухмылку. Голос в голове: «Не повезёт!» Мурашки снова бегут по спине, и я ёжусь сильнее.

Так, Алиска, паника тебе не помощник. Дыши. Глубоко. Вдох... Выдох... Но вдох приносит только затхлый, угнетающий запах. Окей, план «Выжить». Шаг первый: не сойти с ума в этой движущейся могиле. Шаг второй: выяснить, что за фигня со мной произошла и как мне вернуться назад в своё тело.

Карета резко дергается, я чуть не съезжаю с сиденья и вцепляюсь пальцами в край скамьи. Дерево шершавое, с занозами. Затем – поворот. Еще один. Скорость снижается. Сердце замирает. Приехали. Куда? В логово?

Скрип тормозов. Карета останавливается. Слышу приглушенный голос снаружи, лязг железа. Сердце колотится так, что кажется, вырвется из груди. Дверь с противным скрежетом распаивается. Слепящий, даже сквозь зажмуренные глаза, дневной свет бьет в лицо. Я моргаю, пытаюсь разглядеть что-то сквозь пелену слез от резкого света.

— Выходите, — безэмоционально просит всё тот же слуга.

Я вываливаюсь, едва удерживая равновесие на дурацких хрустальных туфлях. Ноги затекли, дрожат. Ослепленная светом, я шурюсь, оглядываюсь.

Вместо ожидаемой мрачной крепости – дом. Трехэтажный. Из серого камня, поросшего плющом. Не роскошный дворец, но и не лачуга. Солидный, загородный особняк. И... абсолютно безжизненный. Ни огоньков в окнах, ни дыма из труб, ни слуг у входа. Только тишина, нарушаемая пением птиц где-то вдали, да шелестом листвы. Перед домом – заросший сад. Дорога, по которой мы приехали, теряется в лесу. Глушь.

— Где... где это? — спрашиваю я, голос хриплый от напряжения.

Слуга игнорирует вопрос. Он уже грузит мой жалкий узелок с вещами на крыльцо у тяжелой дубовой двери.

— Ваше поместье, миледи, — произносит он тем же безжизненным тоном, что и в карете. — Распоряжение лорда Вейлана. Вы будете проживать здесь. Пока не будете готовы.

Пока не будете готовы. Фраза повисает в воздухе, холодная и непонятная. Готова к чему? К смерти? К приезду? К чему-то ужасному?

— Ждать? Кого? Его? — пытаюсь я выяснить.

Но слуга уже поворачивается и шагает к карете. Ни ответа, ни взгляда. Он вскакивает на козлы, щелкает вожжами. Лошади фыркают, карета, скрипя разворачивается и трогается в обратный путь по пыльной дороге. Я стою, как вкопанная, и смотрю, как черная точка исчезает за поворотом.

Я остаюсь одна. Совершенно одна. Посреди леса, перед пустым домом. Тишина наваливается всей своей тяжестью. Она звенит в ушах после грохота дороги.

Страх не уходит. Он меняется. Теперь это не острый укол, а глухая, давящая тревога. Одиночество здесь кажется еще более зловещим, чем в каменной комнате замка. Хотя бы там знала, что враг рядом. Здесь... здесь враг невидим.

Если это всё сон. То я мечтаю проснуться прямо сейчас!

Поднимаю свой узелок. Он кажется смехотворно легким. Подхожу к дубовой двери. На ней нет ни когтя, ни страшной ручки – просто железное кольцо. Толкаю. Дверь не заперта. Она тяжело подается внутрь с долгим, жалобным скрипом.

Внутри – полумрак и запах пыли, смешенной со старостью. Свет проникает сквозь запыленные окна, рисуя на паркетном полу светлые прямоугольники. Я стою в просторном пустом холле с высоким потолком. По стенам – следы от снятых картин, темные прямоугольники на поблекших обоях. В глубине – широкая лестница, ведущая вверх, в еще более глубокий полумрак. Тишина здесь внутри еще более гнетущая. Кажется, дом затаился и слушает каждый мой шаг, каждый вздох.

Я опускаю узелок на пол. Пыль вздымается маленьким облачком. И тут замечаю небольшой белый конверт. На нем – мое имя. «Леди Вейлан». Начертано четким, уверенным почерком.

Сердце снова бешено колотится. Подхожу, наклоняюсь. Рука дрожит, когда беру конверт. Он тяжеловатый, плотный. Разрываю сургучную печать – темно-красный воск с оттиском... драконьего когтя.

Ну конечно.

Вытаскиваю лист дорогой, кремовой бумаги. Текст короткий, без обращений, без подписи. Холодный, как и сам автор.

Дом перед вами – ваше нынешнее место проживания. Располагайтесь. Вам предоставлено все необходимое для скромного существования.

Вы пробудете здесь до тех пор, пока не настанет время.

Не пытайтесь покинуть территорию.

Последняя фраза – ледяное лезвие. Я машинально оглядываюсь на дверь. Она все еще приоткрыта. За ней – солнечный свет, лес, дорога... и неведомая граница «территории», которую покидать нельзя. Ловушка. Красивая, загородная, но ловушка.

Я сжимаю письмо в руке, бумага мнется.

Беспомощность накатывает волной. Я опускаюсь на ступеньку лестницы, не обращая внимания на пыль. Письмо падает на колени. Солнечный луч, пробивающийся через пыльное окно, падает на золотое обручальное кольцо. Оно кажется кандалом. Знаком собственности. Он не просто женился на мне по приказу короля. Он владеет мной. И этот дом – моя золотая клетка. Пока я не буду «готова» к чему-то по его разумению.

Тишина давит. Пыль висит в воздухе. Где-то наверху скрипнула половица – дом оседает или... кто-то есть? Я вздрагиваю, вжимаюсь в ступеньку. Страх снова острый, как игла. Я здесь совершенно одна. Совершенно. Осознание этого гложет.

И тогда, в этой гнетущей пустоте чужого дома, как спасение, приходят воспоминания. Не мои – её. Элис Ларен. Яркие, теплые, наполненные жизнью. Пекарня. "Сладкий уголок". Солнечные зайчики на прилавках, усыпанных мукой. Горячий, дурманяще-сладкий аромат только что вынутого из печи ржаного каравая с хрустящей корочкой. Душистый парок от маминых яблочных пирогов с корицей, от которого щипало в носу и текли слюнки. Гул довольных покупателей, смех отца, его огромные, но удивительно ловкие руки, месившие эластичное тесто. Жар, пышущий от огромной кирпичной печи, самый родной огонь в мире. Летающие маленькие феи и их звонкий смех.

Мама... Папа... Мысленный шепот обрывается комом в горле.

А что, если... что, если этот «дом» – не конец? Что, если «Сладкий уголок» еще стоит? Где-то там, за лесом, за границей этой «территории»? Мысль опасная, безумная. Но она – как крошечная искра в кромешной тьме этого пыльного холла.

Где-то наверху снова скрипнула половица. Я замираю, прислушиваясь. Ветер? Дом? Или... кто-то все же здесь есть? Шаг за шагом, держась за стену, я начинаю подниматься по лестнице в полумрак второго этажа...

Глава 4

Каждый скрип ступени под ногой отдается в тишине дома, как выстрел. Я замираю на каждом звуке, прислушиваясь, вжимаясь в стену, но больше никаких звуков нет. Только моё бешеное сердцебиение и предательски громкое дыхание.

Второй этаж оказывается длинным, темным коридором с несколькими дверями. Все они приоткрыты. Толкаю первую. Пустая комната. Пыль, паутина, пара сломанных стульев. Вторая – такая же. Третья...

Третья совсем другая. Она явно предназначена для жилья. Пусть скромного, но все же. Здесь есть кровать – широкая, деревянная, с балдахином, с которого свисает потертый, некогда дорогой штоф. На ней – тюфяк, набитый соломой, и аккуратно свернутое шерстяное одеяло. У стены – крепкий дубовый стол, на нем оловянный подсвечник с парой огарков свечей и кувшин с водой. А в углу – достаточно симпатичный деревянный сундук.

Я осторожно, будто в нём спрятана бомба, приподнимаю тяжелую крышку. Внутри – аккуратные стопки одежды. Простые, добротные шерстяные и льняные платья серых, коричневых, темно-синих тонов. Никакого сравнения с кружевным свадебным нарядом, но они выглядят прочными, теплыми и... добротными. Под ними – нижнее белье, носки, даже теплая шаль. Все чужое, но чистое и пахнущее сушеными травами. Кто-то это приготовил. Для меня? Мысль одновременно пугает и приносит каплю облегчения. Значит, здесь не планировали уморить меня голодом и холодом. Не зря в письме мой муж отметил, что в доме будет все для моего скромного проживания...

Ну что же и на этом спасибо!

И словно в ответ на мысль о голоде и холоде, у меня в животе раздается громкое, настойчивое урчание. Я кладу руку на желудок, осознавая, что не ела кажется уже вечность. С того самого торта в другой жизни. А ведь никакого свадебного пира, естественно, не было. Меня просто вышвырнули из зала, как мусор.

Еда. Нужно найти еду.

Этот примитивный, животный инстинкт на время заглушает и страх, и тоску. Я спускаюсь вниз, в большой холл, и начинаю искать кухню. Дверь под лестницей оказывается именно тем, что нужно.

Кухня огромная, закопченная, с массивным очагом, занимающим половину стены. Пахнет холодной золой и старым жиром. Я начинаю лихорадочно обыскивать буфеты и шкафы. Деревянные миски, ложки, чугунные сковороды, покрытые паутиной. В глубокой кладовке – настоящая удача: мешок с картофелем. Некоторые клубни уже сморщились, но многие еще твердые. Луковицы, морковь, несколько кочанов капусты, тщательно завернутых в ткань. На полке – глиняные крынки. В одной – засохшие остатки меда, в другой – зерно, а в третьей... молоко! Свернувшееся, почти простокваша, но все же! Я отхлебываю прямо из горлышка, и кисловатая жидкость кажется мне нектаром богов.

Но этого мало. Нужен белок. Что-то существенное. С отчаянной надеждой я подхожу к запыленному окну, выходящему в задний двор, и протираю стекло рукавом.

Запущенный сад плавно переходит в лужайку, а та – в поле, огороженное полуразрушенным забором. И тут я вижу ее. Рыжую, беспокойную курицу, которая деловито клюет что-то в траве.

Курица... Значит, кто-то ее кормит? Похоже, я здесь не совсем одна... От этой мысли по спине пробежали мурашки — кто-то невидимый наблюдает за мной?

Ловлю себя на том, что уже строю планы, как поймаю эту курицу и сварю сытный бульон. Адреналин снова бьет в голову. Я выскальзываю через заднюю дверь кухни на улицу.

Воздух чистый, прохладный, пахнет хвоей и влажной землей. Дом стоит на небольшом холме. Отсюда видно, что владения огромны: за забором начинается лес, густой и темный, а с другой стороны, угадываются контуры заброшенных садов. Я бегу вниз по склону, подбирая подол нелепого свадебного платья. Хрустальные туфельки вязнут в земле.

— Цып-цып-цып! — пытаюсь я приманить птицу, но та только испуганно кудахчет и бежит прочь, уворачиваясь с удивительной ловкостью.

Мы носимся по лужайке, я – вся красная, запыхавшаяся, она – с возмущенным видом. В азарте погони я взбираюсь на следующую, более высокую горку на краю поместья, чтобы лучше видеть свою добычу. И замираю.

С высоты открывается вид, от которого перехватывает дыхание. Поля, лес... а дальше, за темной полосой деревьев, ясно виден городок. Небольшой, но настоящий: скопление крыш разного цвета, тонкая струйка дыма из одной-двух труб и вроде бы даже церковная колокольня. Он лежит в долине, отделенный от меня этим бескрайним, дремучим лесом.

Есть маленькая вероятность, что я (Вернее Элис Ларен) родом из этого городка. Быть может, пекарня моих родителей расположена именно там. А если и нет, то в этом городе есть люди, которые что-то да должны знать обо мне и моем прошлом.

План возникает в голове мгновенно, ясный и четкий. Вернуться в дом. Приготовить еды в дорогу. Постараться выспаться. А на рассвете – бежать. Пока этот невидимый страж или сам Вейлан не явились. Идти на огни. Искать «Сладкий уголок». Это мой единственный шанс.

Курица тем временем благополучно скрывается в кустах у забора. Я уже не гонюсь за ней. У меня есть цель поважнее.

Вернувшись на кухню, я чувствую прилив странной энергии. Страх отступил, сменившись решимостью. Развожу огонь в очаге (спасибо урокам выживания в кемпинге с папой), чищу картошку и морковь, шинкую капусту старым тупым ножом. Бросаю все в чугунок с водой, подвешиваю его над огнем. Простая похлебка. Но это хоть что-то.

Пока она варится, наполняя кухню скромным, но таким аппетитным запахом, я сижу на табурете у огня и размышляю. О дороге. О лесе. О том, что я буду делать, если найду пекарню. Быть может, она перепродана другому владельцу или стоит заброшенная и никому ненужная. Или от неё и вовсе ничего не осталось после пожара.

Мысли прерывает странное ощущение. В пальцах, которыми я только что чистила картошку, появилось легкое, едва уловимое покалывание. Я смотрю на них. И замираю.

Вокруг подушечек пальцев, испачканных землей, танцуют крошечные, золотистые искорки. Они не обжигают. Они теплые, как летнее солнышко. Я в недоумении шевелю рукой – искорки вспыхивают ярче, сливаясь в маленькие сверкающие бусинки, и гаснут.

Что это? Я машинально провожу пальцем по краю деревянной миски с мукой, которую собиралась добавить для загущения похлебки. И там, где прошел мой палец, остался... не след. А легкое, золотистое сияние, которое медленно тает, впитываясь в дерево. От миски на секунду пахнет... сдобным тестом. Теплым, сладким, словно только что из печи.

Я отдергиваю руку, словно обожглась, и прижимаю ее к груди. Сердце колотится уже не от страха, а от изумления.

Магия...

Та самая, о которой я читала в книгах...

Я медленно, снова протягиваю руку к миске. Концентрируюсь на воспоминании о запахе свежего хлеба из детства, который остался в голове Элис. О тепле пекарни. Ощущаю, как по пальцам снова бегут мурашки, и вижу, как из-под кожи просачиваются те самые золотые искорки. Они скатываются с кончиков пальцев и падают в миску.

Мука на мгновение вспыхивает мягким золотым светом, а потом... меняется. Она становится не просто белой, а какой-то более воздушной, пахнет не пылью и затхлостью, а чистой пшеницей.

Я сижу, не в силах пошевелиться, и смотрю то на свои пальцы, то на сияющую миску. План побега остается в силе. Но теперь у меня есть нечто большее, чем просто надежда. У меня есть тайное оружие. Пусть я еще не понимаю, как оно работает. Но это что-то родное. Часть меня. Часть моих родителей. Часть «Сладкого уголка».

Завороженная своей неожиданной способностью, я механически помешиваю похлебку. Прикрываю глаза, стараясь вспомнить аромат вкусного рагу из своей реальной жизни. Но никаких искр больше нет... Пальцы больше не обжигает.

Хм... Ещё одна задачка со звёздочкой, которую мне стоит решить. Но я уверена, что в пекарне родителей будут ответы на все мои вопросы: кто я, что за магическая способность у меня, почему я выдана насильно за дракона и что случилось с пекарней моих родителей?

Глава 5

Сон был беспокойный и прерывистый. Мне снились драконы с янтарными глазами, летающие феи и пекарня. Я проснулась от собственного громкого чиха, который эхом разнёсся в пустой комнате. В носу щекочет пыль, поднятая с тюфяка за ночь. Луч солнца, пробивающийся сквозь щель в ставнях, освещает миллионы пылинок, лениво танцующих в воздухе.

— Апчхи! — снова чихаю я, садясь на кровати и потирая затекшую шею.

План побега всё ещё вселяет в меня некую надежду на безоблачное будущее.

Сбрасываю с себя пыльное одеяло и отправляюсь к сундуку. Серое вязаное платье из грубой шерсти оказывается на удивление удобным и тёплым, хоть и сильно натирает шею. В сундуке же нахожу простые кожаные ботинки на шнуровке, чуть великоватые, но в самый раз на плотные шерстяные носки.

Спускаюсь на кухню и принимаюсь за приготовления. Из большого платка, найденного в том же сундуке, мастерю узелок. Кидаю туда пару яблок, морковку и пару ложек тушеных овощей, завёрнутых в тряпицу. С едой туго, но на день пути должно хватить.

С водой оказывается проблема. Большой чан у раковины почти пуст — вчера я и похлёбку варила, и пыталась смыть с себя пыль и страх. Да и те капли, что остались, набрать с собой некуда — ни бутылки, ни фляги в этом мире, похоже, нет.

Тогда я вспоминаю про свою способность. Подхожу к чану, закрываю глаза и сосредотачиваюсь, как накануне. Напрягая голову, вспоминаю звук журчащего ручья, прохладу воды, капли дождя на лице... Вожу руками над почти пустым дном чана, пытаюсь вызвать хоть намёк на то золотистое сияние.

Но как бы я не старалась всё тщетно. Ни единой искорки. Никакого намёка на магию. Кажется, вчерашнее чудо было одноразовым, вызванным шоком и отчаянием. Или же мне просто не хватает знаний, чтобы приручить эту странную силу.

Сжав зубы от досады, бросаю эту затею. Придётся искать воду в пути.

Взяв свой жалкий узелок, на цыпочках выхожу из дома через заднюю дверь. Утренний воздух свеж и прохладен, роса блестит на траве. Солнце только поднимается над лесом, обещая ясный день. Идеальная погода для побега.

Я бросаю последний взгляд на мрачное, но уже ставшее немного знакомым здание, и уверенно шагаю в сторону города. Тропинки нет, приходится идти напрямик, по высокой траве, от которой моментально намокает подол платья.

Земля под ногами неожиданно уходит вниз. Нога скользит по мокрой от росы траве. Я с криком пытаюсь удержать равновесие, мои руки бешено хватаются за пучки высокой травы, но она вырывается с корнем, осыпая лицо землёй и холодными каплями.

Падаю. Неловко и тяжело. И затем начинаю неудержимо скатываться вниз по сырому склону, подпрыгивая на кочках и ямках. Платье задирается, обнажая ноги, которые тут же царапаются о сухие ветки и острые камни. Узелок с провизией больно бьёт меня по боку. Я безуспешно пытаюсь зацепиться за что-нибудь, но только сильнее раскручиваюсь и, в конечном итоге, с размаху плюхаюсь в густые заросли травы у подножия холма, подняв тучу прошлогодней листвы.

Несколько секунд я просто лежу, тяжело дыша, глядя в серое предраассветное небо сквозь кружево листьев. Всё тело ноет от ушибов, по щеке течёт тонкая струйка крови из царапины. Стыд и досада разливаются жаром по щекам.

Вот так начало великого побега!

С трудом поднимаюсь, отряхиваю платье, поправляю сбившийся набок узелок. Ноги дрожат. Я оказываюсь уже под сенью деревьев. Тишина здесь звенящая, настороженная. Солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь плотный полог листьев, создавая на земле таинствен-

ные узоры. Я иду, стараясь двигаться как можно тише, прислушиваясь к каждому шороху. Каждое пение птицы заставляет меня вздрагивать, каждый хруст ветки под ногой кажется громоподобным.

Я почти начинаю думать, что всё придумала и иду в никуда, когда слышу впереди негромкое ворчание и звук ударов металла о камень.

Сердце ёкает. Я пригибаюсь и, затаив дыхание, начинаю пробираться на звук, прячась за стволами деревьев.

Вскоре я вижу его. Невысокого, коренастого человечка с длинной, спутанной бородой, заправленной за широкий кожаный пояс. Он одет в потертую кожаную куртку и с азартом долбит киркой по скальному выступу, что-то негромко бормоча себе под нос на хриплом, гортанном наречии. Гном. Настоящий гном.

Он ещё не видит меня. Я замираю, не зная, что делать. Обойти? Но он стоит прямо на пути. Попытаться заговорить? А вдруг он опасен?

Пока я раздумываю, судьба решает за меня. Ветка под моей ногой с громким хрустом подламывается.

Гном вздрагивает, резко оборачивается, и его маленькие, глубоко посаженные глаза мгновенно находят меня в зарослях. Его лицо, обветренное и покрытое шрамами, искажается в гримасе ярости.

— Человечишка! — ревет он, сжимая в руке не кирку, а увесистую дубину с железными шипами, которая до этого лежала рядом с рюкзаком. — Смерть захватчикам! Не смей топтать священные камни клана Тёмной Скалы!

Он бросается на меня с удивительной для своего телосложения скоростью. Я в ужасе отпрыгиваю за дерево, и его дубина со свистом врежется в кору, откалывая щепки.

— Постойте! Я не враг! Я просто заблудилась! — кричу я, пятясь и спотыкаясь о корни.

— Врёшь! Все вы, люди, врётё и крадёте! — рывкает гном, выдирая дубину и снова замахиываясь. Его глаза горят непримиримой ненавистью. — За нарушение границы — смерть!

Я отчаянно оглядываюсь, ища спасения, но кругом только деревья. Дубина уже свистит в воздухе, направляясь напрямик в мою голову. Я зажмуриваюсь, поднимаю руки в беспомощной попытке защититься.

Но удара не следует.

Вместо него раздаётся резкий, свистящий звук, и гном с коротким вскриком отпрыгивает, роняя дубину. В его плече торчит маленький дротик с перьями на конце.

Из-за деревьев, бесшумно, как тень, выпрыгивает стройная фигура. Девушка с заострёнными ушами и кожей цвета тёплого мёда. Её длинные серебряные волосы заплетены в сложную косу, а в руках она держит небольшую духовую трубку. Она одета в платье из зелёной и коричневой кожи, сливающиеся с лесом.

— Уйди, Боррин, — её голос тихий, но полный непререкаемой власти. — Эта женщина не твоя добыча. Она не знала о границах.

Гном, хватаясь за плечо, злобно рычит, но при этом в его глазах я отмечаю страх.

— Эльфийская ведьма! Это не твоя земля! Она перешла рубеж!

— Рубеж был оспорен ещё во времена Великой Войны, — холодно парирует эльфийка. — Уходи. Или следующий дротик будет отравлен. Твой клан не захочет войны с Лунными Тенями из-за одной заблудившейся человеческой девчонки.

Гном что-то невнятно пробурчал, посмотрел на меня с такой ненавистью, что мне стало холодно, плюнул на землю и, подхватив свою дубину, скрылся в чаще, бормоча проклятия на своём языке.

Я стою, прислонившись к дереву и дрожу как осиновый лист, не в силах вымолвить ни слова.

Эльфийка поворачивается ко мне. Её глаза необычного цвета — фиалкового, смотрят на меня с любопытством и лёгкой жалостью.

Глава 6

— Ты ранена? — спрашивает моя спасательница, слегка сощутив глаза.

— Н-нет, — с трудом выдыхаю. — Спасибо вам. Он бы меня убил...

— Боррин и его сородичи из клана Тёмной Скалы недолюбливают людей, — поясняет девушка, подходя ближе. — После войны прошло двести лет, но старые обиды и недоверие живы. Особенно здесь, на спорных землях. Гномы считают, что люди слишком много себе позволили, победив в той войне. Они добывают здесь руду, мы собираем травы. Людям здесь не место. Ты чуть не попала под горячую руку.

Война, гномы, эльфы... У меня голова идёт кругом от новой шокирующей информации.

Она наклонилась и подняла мой узелок, который я выронила в испуге.

— Ты очень далеко от человеческих троп. Что ты здесь делаешь в одиночестве? И одета... странно для путника.

Быстро соображаю, что ей ответить, чтобы не поселить подозрения. Говорить о том, что я сбежавшая жена дракона точно нельзя. Неизвестно в каких отношениях эльфы и драконы, кто его знает, можете быть эта девушка знакома с Лордом Вейланом.

— Меня зовут Элис, — говорю, аккуратно подбирая слова. — Я... я заблудилась. Отстала от своего каравана. Я пытаюсь добраться до того городка, — киваю в сторону, где, как я надеялась, был город.

Фиалковые глаза эльфийки изучают меня с лёгким скепсисом. Она явно чувствует, что я что-то недоговариваю, но не давит.

— Город в долине называется Вестхейвен. Дойти до него можно за полдня, если знать дорогу и, если тебя по пути не съедят гоблины или не прихлопнет разгневанный гном. Меня зовут Илверин. Я травница из племени Лунных Теней.

— Спасибо, Илверин, — чувствую, как часть тяжести свалилась с моих плеч. — Я очень плохо знаю эти земли. Могла бы ты... немного рассказать? Чтобы я знала, куда попала.

— Ты в королевстве Эльдрания. Точнее на её северных землях, в долине Вейланов. Хозяин этих земель Лорд Вейлан очень могуществен. Говорят, он ненавидит людей, с которыми вынужден вести дела. Он известен своей жестокостью и нетерпимостью. Лучше бы тебе не встречаться с ним или его слугами.

— А чем вызвана такая ненависть к людям? — на последнем слове мой голос дрогнул.

Илверин повернулась ко мне и вопросительно выкинула бровь.

— Ты разве не знаешь? На твоих Землях не обсуждают Великую войну?

Внутри все сжимается от испуга, и волосы на голове будто встают дыбом. Я чувствую, как кровь отливает от лица. Сейчас я допущу роковую ошибку, и она поймет, что я не та, за кого себя выдаю. Что я вообще из другого мира.

— Обсуждают... — срывающимся голосом торопливо говорю я, избегая её взгляда и делая вид, что проверяю, не порвался ли мой узелок. — Просто... у нас это больше, как сказки. Страшилки для детей. Не все верят, что это было на самом деле. Или... помнят детали.

Еле, скрывая дрожь зубов я поднимаю на неё свой взгляд.

Илверин смотрит на меня с нескрываемым удивлением, а затем с ее губ срывается короткий, сухой смешок, больше похожий на покашливание.

— Сказки, — она качает головой, и в её фиалковых глазах мелькает что-то похожее на жалость. — Для вас, людей, двести лет — это древняя история. Для нас... для драконов... это вчерашний день. Раны, которые болят до сих пор.

Она делает паузу, будто оценивая, сколько можно сказать заблудившейся невежественной человечешке.

— Драконы проиграли ту войну. Проиграли сокрушительно. Люди, эльфы, гномы — все были против них. Они считали себя высшей расой, прирожденными правителями. А оказались побеждены теми, кого презирали.

Она обводит рукой вокруг, указывая на лес, на скалы, на все вокруг.

— Эти земли были отданы роду Вейланов по условиям мира. Не в награду. Условия были унижительными. Они не могут принимать свою истинную форму без прямого приказа короля. Они обязаны служить ему. И... — Илверин бросает на меня колкий взгляд, — ...обязаны заключать браки с людьми, чтобы их кровь смешивалась, слабела и постепенно растворялась в человеческой. Это не право. Это наказание. Каждый лорд-дракон, правящий в долине — это пленник в золотой клетке, которого король держит на коротком поводке.

Я стою, не в силах пошевелиться, пытаюсь переварить услышанное. Теперь его поведение на свадьбе обретает новый, чудовищный смысл. Я была для него не просто нежеланной женой. Я была символом его порабощения. Живым напоминанием об унижении его рода.

— Почему... почему вы мне это рассказываете? — с трудом выдавливаю я. — Вы же эльф. Какое вам дело до вражды людей и драконов?

Илверин пожимает плечами.

— Наш лес стоит на спорной земле. Чтобы не стать разменной монетой в чужой игре, нужно понимать, кто и как расставляет фигуры на доске. А еще... — она снова прищуривается, и мне кажется, что она видит меня насквозь, — ...заблудившиеся девушки с испуганными глазами редко бывают шпионами. Обычно они просто... жертвы обстоятельств. Им нужно знать, в какие воды они попали, чтобы выплыть. Если, конечно, успеют.

Её слова повисают в воздухе зловещим предупреждением.

— Я слышала, что и среди людей есть маги, — говорю очень тихо, вспоминая искры из своих рук.

— Есть. Но не ищи их. Королевская гильдия магов — всего лишь слуги короля, они следят за порядком и наказывают тех, кто использует магию без дозволения. А те, кто практикует её втайне... их называют теневыми магами. Их разыскивают, а тех, кого находят, казнят. Говорят, они хотят свергнуть драконов, развязать новую войну. И ради этого ищут какие-то древние артефакты, оставшиеся со времён Великой Войны.

Её слова заставили меня поёжиться. Моё замужество, внезапно обретенная магия, таинственное прошлое Элис Ларен... Всё это часть чего-то большего.

— Идём, — внезапно говорит она, поворачиваясь и делая знак следовать за ней. — Я выведу тебя на тропу к Вестхейвену. Дальше — сама. И постарайся больше не забредать в чужие владения. В следующий раз дротика с усыпляющим ядом может и не быть.

Глава 7

Спускаюсь с холма, ноги подкашиваются, но не от усталости, а от услышанного. Слова Илверин звенят в ушах, складываясь в жутковатую картину. Я — символ позора для могущественного дракона. Теперь моё бегство кажется не просто прихотью, а вопросом жизни и смерти.

И вот он, Вестхейвен, раскинувшийся внизу, словно яркий ковёр, вытканый у подножия суровых гор. Солнце играет на разноцветных черепичных крышах — терракотовых, бирюзовых, глубокого синего цвета. Между аккуратными каменными домиками выются улочки, утопающие в зелени, а над всем этим витает соблазнительный, сногшибательный запах — аромат свежеспечённого хлеба, жареного мяса, пряностей и сладостей. У меня от голода предательски урчит в животе, напоминая, что вчерашняя похлёбка — давно забытое прошлое.

Город обнесён невысокой, но крепкой каменной стеной. Ворота — массивные, из потемневшего от времени дерева, окованные железом — приоткрыты. Возле них, опираясь на алебарды, томятся двое стражников.

Один — полный, краснолицый, с животом, выпирающим из-под потёртой кольчуги. Второй — тощий, с жидкой бородёнкой и глазами-щелочками, которые бегают по сторонам с постоянной жадной настороженностью.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь придать лицу безразличное выражение и направляюсь к проходу. Сердце колотится где-то в горле.

— Эй, куда это мы? — раздаётся хриплый голос. Толстый стражник лениво перегородил путь древком алебарды. Его напарник оценивающе окидывает меня с головы до ног. Его взгляд задерживается на моём потрёпанном, но добротном платье, а затем снова возвращается к лицу.

— Не местная, — констатирует тощий. — Откуда взялась, птишка? И одна в таких нарядах по нашим дорогам шляется? Не иначе, сбежала от мужа, а?

Толстяк хрипло смеётся.

— Задержать надо для выяснения. Может, её в розыск объявили. Награду дадут.

Я чувствую, как кровь отливает от лица. Ладони становятся ледяными и влажными.

— Я... я из дальних деревень, — голос звучит слабо и неубедительно. — Ищу работу в городе. В... в прачечной. Или на кухне.

— На кухне? — тощий стражник фыркает. — Видали мы таких «кухарок». Слишком уж ты... чистенькая для деревенской. И платьишко хоть и поношенное, а ткань добротная, дорогая. Врёшь ты что-то.

Он сделал шаг вперёд, и мне захотелось отпрянуть.

— Как звать-то? Из какой ты деревни? Как к нам добралась? Говори, а то пройдёшь в камеру на беседу к капитану. У него методы допроса посерьёзней, чем у нас.

Я открываю рот, но слова застревают в горле. Элис Ларен? Скажу — и они могут узнать имя невесты лорда. Придумать другое? А если проверят? Голова идёт кругом. Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Кажется, всё пропало.

— Боже правый, Марта! Наконец-то ты нашлась! — раздаётся сзади меня звонкий, полный искреннего испуга и радости женский голос.

Мимо меня, лёгкой походкой, проскальзывает девушка. Она чуть старше меня, одета в простое, но опрятное платье горожанки, поверх которого надет красивый, цветастый передник, расшитый скромными, но милыми цветочками. Тёмные волосы убраны под платок, но несколько непослушных кудряшек выбиваются наружу, обрамляя смуглое лицо с живыми карими глазами и веснушками на носу.

— Я уже все ноги себе истоптала, ищу тебя! — она хватается меня за руку. — Простите её, господа стражники, — она обращается к ним с лёгким, почти кокетливым поклоном. —

Это моя двоюродная сестра, Марта. Она из Бенгейла. Совсем от сохи, простите уж. Матушка привезла её ко мне в подмастерья, а она, глупая, с первого же дня заблудилась в городе! Я уж думала, волки тебя съели, дурочка!

Её речь быстрая, уверенная, как будто она говорит чистую правду. Стражники смотрят на неё, затем на меня.

— Сестра? — скептически хмыкает тощий. — А говорила, что из деревень ищешь работу. А работа-то у сестры уже есть, получается?

Незнакомка не даёт мне опомниться.

— А она скромница у меня! Стесняется сказать, что родственница тут есть! Хотела сама себе место найти, чтобы мне обузой не быть! Да я её за уши оттаскаю потом! — она игриво щипает меня за руку,

Толстый стражник, похоже, теряет интерес, его взгляд уже блуждает в поисках следующей жертвы. Тощий ещё секунду изучает нас обеих, но девушка смотрит на него прямо, с лёгкой укоризной.

— Ну, можно мы пойдём, господин стражник? У меня в лавке клиенты, а матушка одна не управится. А я потом и за вас помолюсь, за вашу доброту.

Тонкий наконец брезгливо машет рукой.

— Ладно, валите. И смотрите, чтобы больше таких проблем не было.

— Спасибо вам! Спасибо огромное! — моя спасительница кланяется ещё раз и, крепко сжав мою руку, буквально втягивает меня в тёмный проём городских ворот, оставляя стражников позади.

Мы попадаем на оживлённую улицу. Воздух здесь густой от вкусных запахов, смешанных с ароматом цветов и свежескошенной травы. Я захлёбываюсь этим многообразием, и мой желудок предательски и громко сводит спазм.

Девушка оборачивается ко мне. Её живое, веснушчатое лицо теперь серьёзно. Карие глаза изучают меня с долей скепсиса, которое я заметила у Илверин.

— Ну что, «Марта», — говорит она тихо, но твёрдо. — Пойдём. Матушка напоит тебя чаем с мёдом. А ты мне по дороге расскажешь, что за маг такой бестолковый забрёл в наши края и чуть не угодил в лапы к городской страже.

Глава 8

Девушка ведёт меня по извилистым улочкам Вестхейвена, и я чувствую себя ребёнком, попавшим в гигантскую, шумную конфетку. После давящей тишины поместья и мрачного леса город обрушивается на меня какофонией звуков, красок и запахов.

Воздух густой и сладкий, как сироп. Из распахнутых окон пекарен vyplывают божественные ароматы свежего хлеба, сдобных булок с корицей и карамелизированных яблок. Моё кондитерское сердце заходится от тоски и восторга. Вот та лавка с резным кренделем на вывеске — оттуда пахнет ржаным хлебом с тмином. А из этой, с зелёными ставнями, — слоёными пирожками с мясом.

Между каменными домиками с цветами на подоконниках ютятся лавчонки: овощные, с горками ярких морковок и капусты, рыбные, и конечно, цветочные.

Город живёт, кипит, торгует, смеётся. Уличные музыканты наигрывают весёлую трель на дудочках, зазывалы заманивают покупателей, дети носятся под ногами с криками.

И где-то здесь, на одной из этих улочек я глазами стараюсь отыскать пекарню родителей. Вглядываюсь в каждую вывеску, в каждое лицо прохожего, надеясь на вспышку памяти Элис. Но ничего, кроме смутной грусти не ощущаю.

— Нравится? — голос девушки вырывает меня из раздумий. Она идёт легко и быстро, кивая знакомым торговцам.

— Очень, — искренне отвечаю я. — У вас... очень вкусно пахнет.

Она усмехается.

— Это ещё ничего. На днях ярмарка начнётся, вот тогда будет настоящий пир. Хотя... — она бросает на меня оценивающий взгляд, — ...тебе, я смотрю, и сейчас бы перекусить не мешало. Живот у тебя на всю улицу орёт.

Я краснею и машинально прикрываю живот рукой. Холодная похлёбка и пара яблок — не лучшая идея для долгой дороги.

— Меня кстати зовут Мэри, — девушка протягивает мне руку. — А тебя?

— Я Элис, — отвечаю и жму в ответ её руку.

— Ты так и не сказала, откуда ты. Я так поняла ты вышла из леса Теней? Там люди просто так не гуляют. Особенно одинокие девушки.

Внутри всё сжимается. Вот он, допрос. Нужно быть осторожной и придерживаться единой теории.

— На мой караван напали разбойники. Я убежала в лес, заблудилась. Шла куда глаза глядят, пока не вышла к вашему городу.

Мэри замедляет шаг и смотрит на меня с неподдельным изумлением.

— Ты сколько по Лесу Теней бродила? И тебя ни гномы не прихлопнули, ни тёмные эльфы не подстрелили? Тебе невероятно повезло, Элис. Или ты что-то скрываешь...

К горлу подступает ком. Не хотелось бы мне в новом мире получить статус лгуньи, но и правду я рассказать не могу, пока не пойму, что Мэри можно доверять.

Её взгляд становится пристальным, колющим. Я чувствую, как потеют ладони.

— Просто... просто шла и шла. Может, меня святой Антоний вёл, — выдавливаю я первую пришедшую в голову имя святого из своего мира.

Мэри хмыкает.

— Не знаю я никакого Антония. Так откуда ты? С Северных равнин? Из Солнечного Порта? Или, может, с Янтарных рудников в горах? — она сыплет названиями, которые мне ни о чём не говорят.

Я судорожно соображаю. Горы... рудники... звучит достаточно далеко и глухо, чтобы мою легенду было сложно проверить.

— С гор, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — С Янтарных рудников.

Мэри задерживает на мне взгляд на секунду дольше необходимого, и мне кажется, она видит всю мою ложь как на ладони. Но потом лишь кивает.

— Понятно. Далековато ты забрела. Ну, раз уж ты здесь... — она внезапно останавливается у небольшого, но уютного домика с голубыми ставнями. Перед ним — крошечный палисадник, забитый розами и лавандой, а рядом небольшая цветочная лавка. — Пришли.

— Какой красивый домик, Мэри, — с восхищением вскидываю руки. — У вас очень уютно в городе.

— Вестейхевен старейший город нашей земли, — с воодушевлением отмечает моя новая знакомая.

Поджимаю губы, немного мнусь, нервозно теребя край платья.

— Мэри, — окликаю девушку. — А... ты не слышала тут о пекарне «Сладкий уголок»? Или о пекарях Ларен?

Мэри нахмурилась, перебирая в памяти названия.

— «Сладкий уголок»... Звучит знакомо, но нет, в Вестхейвене такой нет. У нас тут «Медовый каравай», «Золотая коврижка»... а «Сладкого уголка» нет.

Она толкает деревянную дверь, и нас встречает звон колокольчика. Внутри пахнет мёдом, сушёными травами и свежей выпечкой. Дом крошечный, но уютный. В углу трещит огонь в камине, на стенах — пучки целебных трав, на столе — грубая глиняная посуда.

— Мам, я дома! И гостью привела! — кричит Мэри, скидывая платок.

Из соседней комнаты появляется женщина. Она — полная противоположность своей стройной, смуглой дочери. Розовощёкая, дородная, с добрыми лучиками вокруг глаз и седыми прядками, выбивающимися из-под белого платка. Она вытирает руки о зелёный льняной фартук и улыбается дочери приветливой, открытой улыбкой.

— Ах, гости! Это хорошо! А то у нас тут... — она замирает на полуслове. Её взгляд падает на меня, и улыбка медленно сползает с её лица. Её глаза, такие же карие, как у Мэри, округляются, наполняясь не просто удивлением, а настоящим шоком. Она бледнеет, и её рука непроизвольно тянется к сердцу.

— Ты... — выдыхает она. — Это ведь... ты?

В воздухе повисает гробовая тишина. Колокольчик над дверью ещё звенит. Я замираю, чувствуя, как кровь стучит в висках. Мэри смотрит то на меня, то на свою мать, на лице которой застыло выражение непередаваемого шока.

Глава 9

Воздух в уютной комнатке застывает, густой и тяжёлый, как забродившее тесто. Я замираю под пристальным, шокированным взглядом женщины, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Мам? — растерянно шепчет Мэри, глядя то на меня, то на свою мать. — Что такое? Ты знаешь её?

— Ро... Роза? — выдыхает женщина. Её голос дрожит, будто она видит призрака. — Это правда ты? Но как?.. Почему ты вернулась?

Мэри громко фыркает, пытаясь разрядить напряжённое молчание.

— Ой, мамочка, да брось ты! — подходит к матери и с нежностью берёт её за плечи, мягко разворачивая к свету из окна. — Опять свои очки на полке забыла? Вглядишься получше. Это не Роза.

Она протягивает руку к полке у камина и подаёт матери маленькие, простые очки в металлической оправе. Дрогнувшей рукой женщина надевает их. Всматривается, моргает, её взгляд мечется по моему лицу, пытаясь поймать сходство.

— Но... но так похожа... — растерянно шепчет она. — Та же стать, тот же цвет волос...

— Мам, успокойся, — мягко, но настойчиво говорит Мэри, беря её руку. — Это не она. Просто очень похожая девушка. Роза давно уехала, помнишь?

Мама Мэри замирает, и по её лицу пробегает тень боли и смущения. Она снимает очки и устало трет переносицу.

— Ох, батюшки... Прости меня, милая. Право, с возрастом и горем голова совсем не работает. После смерти отца Мэри...и Роза. — она машет рукой, отмахиваясь от грустных воспоминаний. — Да и зрение уже не то. Эти очки давно пора менять.

— Да будет тебе, мама, — качает головой Мэри, но в её глазах мелькает неподдельная грусть. — Отличные у тебя очки.

— Меня кстати зовут Лира, — женщина делает шаг ко мне, протянув руку, и на её лице снова появляется добродушная улыбка.

— Очень приятно, — жму её ладонь в ответ. — Я, Элис.

— Ох, какая же я невежливая... — всплёскивает руками женщина. — Гостья в доме, а у меня обед ещё даже не начат. Прошу прощения, сейчас что-нибудь быстренько организую...

Женщина начинает суетиться, направляясь к кухне и вытаскивая из шкафов кастрюли.

— Позвольте мне помочь, — предлагаю я, следуя за ней. — В знак благодарности. Я неплохо готовлю. Могу, например, испечь к чаю печенья.

Мэри поднимает бровь с интересом.

— Печенья? Какие-то особенные?

— С шоколадной крошкой, — улыбаюсь я, и моё кондитерское сердце радостно ёкает при воспоминании о доме.

Лира заминается, но Мэри сразу поддерживает идею.

— Давай! Мам, у нас же мука осталась, и яйца есть. — она чешет затылок.

— Я что-нибудь придумаю, — обещаю я, уже осматриваясь в крошечной, но опрятной кухне.

Лира показывает мне запасы. Мука, увы, не ахти — грубого помола, с заметными отрубями, темноватая. Сахар — коричневый, неочищенный, кусками. Масло — обычное сливочное, в глиняной крынке. Шоколада, как я и предполагала, нет. Но на полке стоят жбан с мёдом и миска с лесными орехами. Это можно обыграть.

— Идеально, — заявляю я, закатывая рукава своего серого платья. — Мэри, будь добра, растопи немного масла на углях. Лира, можно я посмотрю ваши специи?

Пока Мэри возится с очагом, я нахожу на полке маленькие холщовые мешочки со специями. Корица, гвоздика, душистый перец, имбирь... Целый клад.

— О, мы используем это от моли в шкафу, — поясняет Лира, указывая на корицу. — А имбирь и гвоздику — когда простуда одолевает. Завариваем крутым кипятком и дышим над паром.

— А я предлагаю добавить их в чай, — говорю я, уже набирая в маленькую деревянную ступку щепотку корицы, пару звёздочек гвоздики и кусочек сушёного имбиря. — Получается согревающий и ароматный напиток.

Мать и дочь переглядываются с удивлением.

— В чай? — переспрашивает Мэри. — Никогда не слышала о таком.

— Ладно, Мэри, Элис хозяйничайте здесь, а я пока за яйцами в курятник сбегая, — Лира накидывает на плечи шаль и выходит.

Пока чайник с водой греется на огне, я принимаюсь за тесто. В глубокой миске смешиваю муку, щепотку соли и растопленное масло. Пальцы сами помнят движения. Но мука и правда не очень. Тесто выходит комковатым, тяжёлым.

Я закрываю глаза, пытаюсь вспомнить ощущение лёгкой, воздушной пшеничной муки высшего сорта. Тёплый, уютный свет пекарни «Сладкий уголок». Аромат ванили...

На кончиках пальцев я чувствую лёгкое покалывание, а затем вижу уже знакомый свет. Сияние впитывается в тесто, делая его гладким, эластичным, однородным. Запах затхлости и грубости исчезает, сменяясь чистым, сладким ароматом свежей пшеницы. Следом я добавляю мёд, орехи, смешивая всё в единый светящийся комок.

Приоткрыв глаза, я удивлённо округляю их.

— Получилось, — тихо шепчу.

Тесто в миске совершенно преображается. Оно становится более гладким, шелковистым, ароматным и невероятно аппетитным.

— Готово, — выдыхаю я, чувствуя лёгкую слабость, как после концентрации на сложной задаче. — Теперь нужно сформировать шарики и испечь.

Я оборачиваюсь и вижу, что Мэри не сводит с меня пристального взгляда. Её глаза широко раскрыты, а во взгляде читается не просто интерес, а настоящее потрясение. Она видела. Видела, как менялась текстура теста, как исчезли комки, как светились мои руки.

— Об этом я и хотела тебя спросить, — шепчет она, хватая меня за плечо. — Ты знаешь, кто ты такая?

Она хмурит брови и вглядывается прямо в глаза.

— Я-я-я, — растерянно хватаю ртом воздух.

— Я твою ауру у ворот за сто метров почувствовала, — всё также полушёпотом говорит девушка. — Не знаю, как у вас в Янтарных рудниках, но у нас в долине Вейлана запрещено пользоваться магией, если у тебя нет лицензии. Любой другой бы на моём месте уже вызвал стражу.

— Но, — испуганно пытаюсь протестовать.

Какая же я дура! Зачем я раскрыла свой секрет, ещё толком в нём, не разобравшись... Но соблазн попробовать свои магические силы в действии был так велик.

— Я рискую, прикрывая тебя. Стража может задать вопросы и мне. Но я это делаю, потому что вижу в тебе не угрозу, а... возможность. Ты сильна, хоть и не обучена. А мне нужны сильные союзники, — она впивается в меня взглядом, и её пальцы сжимают моё запястье ещё сильнее. — Я ненавижу владельца наших земель, Лорда Вейлана...

При упоминании его имени моё сердце проваливается в пятки, по спине пробегает ледяной холод. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— За что? — выдавливаю я едва слышным, дрожащим голосом.

Мэри на мгновение замолкает. Её взгляд становится отстранённым, горьким. Она отпускает мою руку, отворачивается к окну и тяжело вздыхает, будто собираясь с мыслями.

— Он убил моего отца, — наконец произносит она, и её голос звучит глухо, безжизненно. — Он был тeneвым магом.

Сразу же вспоминаю разговор с Ильверин. Она что-то говорила про тeneвых магов, про то, что они хотят развязать новую войну и выступить против Драконов.

— Я собираю команду магов-единомышленников, чтобы... — она замолкает и снова изучающе на меня смотрит.

— Чтобы что, Мэри? — обращаюсь к ней.

Девушка устало трёт переносицу и качает головой.

— Пока я ещё недостаточно доверяю тебе, чтобы раскрыть все свои планы, — улыбается и, подхватив миску с тестом, подходит к небольшой сковородке без ручек. — Я сразу поняла, что ты неопытный маг, так как совершенно не умеешь скрывать свою магическую ауру.

— Я почувствовала свои способности буквально на днях, — признаюсь, подняв смущённый взгляд на девушку. — Пока я плохо понимаю, как это работает.

— Ты маг-, — говорит Мэри, формируя шарики для будущего печенья и аккуратно выкладывая их на сковороду.

— Трансформатор? — переспрашиваю, присоединившись к лепке печенек. — Что это значит?

— Есть маги-трансформаторы, материализаторы, усилители и манипуляторы.

Я трясусь головой, пытаюсь вникнуть в новую для меня информацию.

— Если коротко, то трансформаторы умеют менять свойства тех или иных предметов. Например, ты сейчас изменила свойства муки, сделав её белой и мягкой. Материализаторы могут создавать что-либо из своей ауры. Например, призывать существ, создавать предметы или вообще целые пространства. Манипуляторы могут управлять живыми существами и неживыми предметами, усилители обладают огромной физической силой.

— Офигеть, — вырывается у меня.

— Что это значит? — хмурится Мэри.

— Ааа... Эм, — закусываю губу. — Это потрясающе!

— Хм, это ещё что, — вздыхает девушка. — Магия открывает огромные возможности. Все двери мира — твои. Если, конечно, пользоваться ею с умом и оставаться в тени.

— Но получается, ты тоже маг? — прищуриваюсь.

— Увы, — Мэри горько пожимает плечами. — Я — полукровка. Дочь мага и простой женщины. Такие, как я, могут унаследовать силу, а могут и нет. А могут быть просто сенситивами — чувствовать магию, но не уметь ей управлять. Это мой вариант. Мама, например, — простой человек. Она не видит твоей ауры. Для неё ты просто девушка, которая очень хорошо готовит.

— Спасибо, — облегчённо выдыхаю я. — Кажется, я начинаю что-то понимать. Но... как этому научиться? Как скрывать ауру? Этому где-то учат?

Мэри замолкает. Она откладывает в сторону последнее печенье, тщательно вытирает руки о фартук и скрещивает руки на груди. Её карие глаза, такие живые и весёлые ещё полчаса назад, теперь становятся твёрдыми и пронизательными. Она медленно обводит меня взглядом с ног до головы.

— Скажи мне честно, Элис, — её голос звучит тихо, но неумолимо. — Откуда ты на самом деле?

Глава 10

Вопрос Мэри повис в воздухе острым лезвием.

«Скажи мне честно, Элис. Откуда ты на самом деле?»

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в руках. Сердце бешено колотится, в висках стучит. Врать дальше бесполезно — эта девушка видит меня насквозь. Но говорить всю правду... Нет. Мысль о том, чтобы произнести вслух «я жена Лорда Вейлана» или «я из другого мира», вызывает леденящий душу ужас.

Смотрю Мэри прямо в глаза, решившись на полуправду.

— Ты права, — начинаю я тихо. Мой голос звучит хрипло от напряжения. — Я не с Янтарных рудников. Я солгала, потому что мне страшно. Я не могу рассказать всё... это опасно. Не только для меня.

Делаю паузу, собираясь с мыслями. Мэри не перебивает, её внимательный взгляд устремлён на меня.

— На днях я очнулась неподалёку от Вестхейвена. Я не помнила ровным счётом ничего. Было ощущение, что меня кто-то сильно ударил по голове, выбив оттуда все воспоминания. Постепенно обрывки моей старой жизни стали всплывать. Я знаю, что я Элис. Мои родители Ларен были владельцами пекарни под названием «Сладкий уголок». Она сгорела... при пожаре. Я должна узнать, что случилось на самом деле. А эта магия... — сжимаю пальцы, на которых ещё танцевали золотые искорки. — Она проснулась во мне совсем недавно. Я не понимаю, как она работает. Я не умею её контролировать. И я боюсь её.

Выдыхаю, истощённая этим признанием. Это голая, уязвимая правда.

Мэри несколько секунд молча изучает моё лицо. Затем её взгляд смягчается.

— Ларены... «Сладкий уголок»... — медленно проговаривает она. — Элис, ты уверена, что от пекарни твоих родителей что-то осталось?

— Я не знаю точно, но где-то в глубине души я уверена, что пекарня сгорела не полностью, и там есть что спасти, — вздыхаю.

Мэри отводит взгляд, задумавшись...

— Я вижу, что ты говоришь правду. Свечение твоей ауры изменилось...

Хмурюсь:

— Ты можешь отличить ложь от правды по ауре?

— Да, — кивает девушка и её до этого серьёзное и настороженное лицо, становится снова добродушным и улыбчивым. — Когда человек врёт он сильно нервничает и тогда аура вокруг него становится ярче. Она будто полыхает огнём. Сейчас же твоё свечение было умеренным. Но даже такой свет, может привлечь внимание людей и вызвать лишние вопросы. Поэтому тебе нужно научиться скрывать его.

— Но я не знаю как! — обречённо выдыхаю.

— Я покажу. Твоя аура — это крик. Тебе нужно научиться шёпоту. Закрой глаза.

Послушно закрываю.

— Дыши. Глубоко. Представь, что твоя магия — не фонтан. Это тёплый мёд. Густой, тягучий. Он не выплёскивается наружу, он медленно течёт по твоим жилам. Он внутри. Сконцентрируй его в центре себя. В груди. Сожми в плотный, тёплый шар. И замкни его там.

Пытаюсь. Дышу. Представляю. Сначала ничего не выходит — тревога и страх мешают сосредоточиться. Но потом, замечая, как постепенно начинаю успокаиваться.

— Да, вот так, — голос Мэри звучит одобрительно. — Ещё. Ты же пекарь? Представь, что запечатаешь дрожжевое тесто в горшок, чтобы оно не перебродило. Запечатай свою силу. Сделай её тихой. Спящей.

Сосредотачиваюсь на этом образе. Запечатанный глиняный горшок. Тихое, тёплое тесто внутри. Дыхание выравнивается. Ощущение покалывания в пальцах исчезает, сменяясь глубоким, сконцентрированным теплом в солнечном сплетении.

— Хорошо, — наконец говорит Мэри. — Открывай глаза. Теперь твой свет почти не виден. Так и держись.

Открываю глаза. Смотрю на свои руки. Никакого свечения. По-прежнему чувствую внутри тот самый тёплый, живой шар, но он под контролем.

— Очень сложно держать этот магический шар внутри и не выпускать наружу, — устало сажусь на кушетку, протерев тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

— Это первое чему учат в академии магии, — подмигивает мне девушка.

— Здесь есть академия магии? — вскидываю брови.

— Конечно, — восторженно всплёскивает руками моя новая знакомая. — А как ты думаешь маги учатся контролировать и управлять своей силой? Это не приходит с рождением. Этому учат в специальных школах и академиях. Выпускники этих заведений становятся почётными магами при великом Короле.

— Погоди, — мотаю головой. — Магия же запрещена... Или.

— Элис, тебе ещё многое нужно узнать о нашей стране. Уж не знаю я откуда ты упала, но без элементарных знаний тебе здесь не выжить.

— Я готова учиться, — расплываюсь в улыбке.

— Магией запрещено пользоваться без лицензии. Это сделано ради безопасности населения. Ведь представь, если бы все вокруг использовали свои магические способности, в мире была бы анархия. Причём, что большая половина магов не умеет пользоваться своей силой, например, как ты.

— Получается, чтобы получить лицензию, маг должен пройти обучение в академии.

— Всё верно, — кивает Мэри. — Чтобы поступить в академию нужно пройти тестирование и его пройдёт далеко не каждый. Только избранные учатся в академии Ван-Гельда, а получают лицензию уникальные.

— А что же делают те, у кого не получается поступить?

Мэри хихикает, придерживая живот рукой.

— Элис, — говорит она сквозь смех. — Ты точно из нашего мира?

Хлопаю глазами и опускаю смущённо глаза в пол.

— Те, кто не смог поступить в академию, лишены права использовать магию. Многие из них становятся теневыми магами и обучаются способностям подпольно. Мой отец как раз был теневым магом. В своё время он хотел учиться в академии, но тестирование завалил. Тогда Элдрин, глава организации теневых магов в нашем городе, пригласил его заниматься к себе... Кто знает, возможно не пойдёшь мой папочка к Элдрину, был бы ещё жив, — со скорбью в голосе говорит девушка.

— Мэри, — тихо окликаю её.

В этот момент снаружи слышатся шаги и весёлый голос Лиры:

— Ну что, я вернулась с уловом! Элис, дорогая, ты представляешь, наши курочки сегодня такие яйца снесли!

Мэри мгновенно меняется в лице. Грусть и скорбь сменяется лёгкой улыбкой. Она подмигивает мне, смахивает со стола крошки и громко говорит:

— Мам, а ты не поверишь, Элис замесила просто потрясающее тесто.

Дверь распахивается, и на пороге появляется Лира с подолом фартука, полным яиц. Она сияет.

— Вот это я понимаю! Ох, Элис, а у тебя руки просто золотые! — женщина подходит к ещё сырым печеньям, аккуратно разложенным на сковороде. — Такое бархатное тесто, а запах! М-м-м-м...

— Элис, говорит, что она из семьи пекарей, — начинает Мэри. — Пекарей Ларен.

— Ларен? — вскидывает бровь Лира. — Это случайно не те пекари, что погибли пять лет назад при пожаре?

Я застываю, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Сердце колотится так, что трудно дышать. Машинально хватаюсь за край стола.

— Вы их знали? — спрашиваю дрожащим голосом.

— Лично не знала, — качает головой женщина. — Эх, печальная история. Ты выходит их дочь? Говорили, что они все погибли и родители, и дети. Но это всё были домыслы горожан.

Зажмуриваюсь, сдерживая поток слёз.

Мэри приобнимает меня за плечи и успокаивающе гладит по спине.

Я никогда не знала родителей Элис... Но вся печаль, что хранилась в её душе, сейчас вырывается наружу, бешеной лавиной.

— Да, мам, Элис их дочь. Она выжила, — отвечает за меня Мэри. — А ты знаешь в каком городе была эта пекарня?

— Так в столице, в Ризинбурге.

Глава 11

После слов Лир в доме повисла густая и тяжёлая тишина. Я сижу, уставившись в кружевную салфетку на столе, пытаюсь переварить услышанное. Ризинбург. Это название ничего не говорит моей измученной душе...

— Ризинбург? — наконец выдавливаю я, поднимая растерянный взгляд на Лир. — Это... это далеко? И как мне туда добраться? У меня нет... ничего. Ни бумаг, ни денег...

Лира замирает с таким выражением лица, будто я только что спросила, светит ли солнце по утрам. Её брови медленно ползут вверх.

— Дитя моё... — начинает она осторожно, и в её голосе сквозит лёгкое недоумение. — Ты же... ты же оттуда. Твоя пекарня, твои родители... они были в Ризинбурге. Разве ты не... не знаешь, что это за город?

Внутри у меня всё обрывается. Глупая, глупая ошибка! Я чувствую, как по щекам разливается предательский жар. Мой взгляд метнулся к Мэри, умоляя о помощи.

Девушка понимающе мне кивает и тут же подхватывает:

— Мам, Элис призналась, что...эм...у неё проблемы с памятью. Она не помнит, что именно послужила этому. Она помнит отрывки, обрывки — пекарню, родителей, запахи... Но многое — пустота. Даже названия городов и то выпали. Память возвращается к ней по кусочкам, медленно.

Лира смотрит то на меня, то на дочь, и её взгляд постепенно смягчается, наполняясь такой всеобъемлющей, материнской жалостью, что мне хочется провалиться сквозь землю от стыда и этой невольной лжи.

— Ах, ты горе моё... — выдыхает она, и её рука снова накрывает мою. — Прости старую дуру, дитя, не придавай значения. Я ведь не знала. Но теперь всё будет хорошо.

Она замолкает, дав мне время прийти в себя, а потом её лицо вновь светлеет практичной, хозяйской решимостью.

— Так вот о чём я. Ризинбург — это столица наших земель. Большой, шумный город. Туда и правда просто так не попадёшь, стража на въезде строгая, документы проверяют зорко. — Она переводит взгляд на Мэри. — Но наша Роза теперь там. Учится в Академии Магии. Если она вышлет тебе официальное приглашение как дальней родственнице, желающей навестить её, у стражников не будет причин тебя задерживать. Ученики Академии имеют такие привилегии.

На мгновение я воодушевляюсь и широко распахиваю глаза.

— А кто такая Роза? — смущённо спрашиваю, вспоминая, что её имя уже второй раз за день звучит в этом доме.

— Моя сестра, — отвечает Мэри.

— Но...погоди, — Лира вновь замялась, её пальцы слегка сжимают мои. — Дорогая, ты уверена, что тебе туда надо? Я ведь смутно припоминаю... когда писали о том пожаре пять лет назад, в газетах сообщали, что от «Сладкого уголка» ничего не осталось. Одно пепелище. Боюсь, ты готовишь себя к новому разочарованию.

Её слова полны такой мягкой заботы, что у меня снова сжимается горло. Я качаю головой, цепляясь за обрывки чужих, но таких ярких воспоминаний — за тёплый свет печи, за звонкий смех, за сладкий запах груш в карамели.

— Я должна сама это увидеть, — говорю тихо, но твёрдо. — Обрывки памяти... они такие яркие. Я должна попытаться. Мне кажется, от пекарни ещё что-то осталось и её можно восстановить.

— Конечно, должна, — тут же соглашается Мэри. — Это единственный способ залатать дыры в памяти. Мы напишем Розе сегодня же.

— Ах, бедное, бедное дитя! — Лира снова всплёскивает руками. — Прости меня, конечно, конечно! Раз ты чувствуешь, что надо — значит, так и надо. Мэри, садись, пиши немедленно! Объясни всё как есть.

— Уже пишу, — Мэри уже достаёт из стола перо и потёртый лист плотной бумаги.

— А пока... — Лира окидывает меня практичным, хозяйским взглядом. — Пока мы с тобой сходим на речку. Твоё платье видало и лучшие дни, его нужно как следует выстирать и высушить на солнышке. И в городке тебя будут меньше замечать.

Я молча киваю, бесконечно благодарная за эту простую, бытовую заботу. Она кажется таким прочным якорем в море хаоса.

Через полчаса, переодетая в простое ситцевое платье Леры с выцветшим цветочным узором, со свёртком грязной одежды под мышкой, я иду рядом с ней по оживлённым улочкам Вестхейвена. Я чувствую себя немного менее уязвимой в этой простой одежде, немного более своей в этом мире.

Лира болтает без умолку, кивая знакомым торговцам. Воздух густой и пёстрый: сладковатый дымок от жаровен, пряный аромат куркумы и имбиря, свежий, земляной запах зелени.

Я вдыхаю эту какофонию запахов, пытаюсь заглушить ими тревогу. Мои глаза непроизвольно выискивают вывески пекарен. «Медовый каравай», «Золотая коврижка»... Но «Сладкого уголка» нет.

Мы заходим за провизией. Лира с азартом выбирает корнеплоды, увлечённо торгуясь с полной, краснощёкой торговкой. Я стою рядом, с интересом рассматривая местные овощи и фрукты, позволяя убаюкивающему гулу рынка на время унять дрожь внутри.

Наконец, мы выходим к реке. Неширокая, быстрая речушка серебрится на солнце. Я робко подхожу к воде, смотря, как Лира ловко расстилает моё потрёпанное платье на большом плоском камне и начинает натирать его тёмным, пахучим куском мыла.

— Давай, становись рядом, не бойся, — она подзывает меня. — Вода сегодня тёплая, славная.

Я опускаюсь на корточки и пытаюсь повторить её движения, но мои пальцы кажутся деревянными. Кусок мыла выскальзывает из рук и с тихим всплеском уплывает по течению. Я неловко тянусь за ним, поскальзываясь на мокром мху, но меня вовремя подхватывает цепкая рука Леры.

— Ох, детка, да ты ни разу в жизни не стирала? — смеётся, но не зло, а по-доброму. — Ничего, научишься. Вот, смотри, держи крепче...

Я наблюдаю, как её натруженные, но ловкие руки уверенно трут ткань, и постепенно моя паника начинает отступать, уступая место простому, почти медитативному ритуалу. Плеск воды, запах чистого речного воздуха... это успокаивает.

На обратном пути, с тяжёлой корзиной провизии и свёртком чистого, влажного платья, мы заходим к мясной лавке. Пока Лира обсуждает с хозяином, толстым, жизнерадостным мужчиной с окровавленным фартуком, достоинства свиной лопатки, я отвожу взгляд к витрине.

— Слышала новость-то, Лира? — раздаётся громкий голос мясника. — Из столицы сегодня газета пришла. Наш-то Лорд, оказывается, женился-таки!

У меня перехватывает дыхание. Лорд. Сердце начинает колотиться где-то в горле. Чтобы не привлекать внимание, делаю вид, что с интересом рассматриваю пучок чебреца, висящий на деревянной стене у окна.

— Ну? — делает удивлённое лицо Лира. — И на ком же? Долго он отнекивался.

— Да на какой-то сиротке, пишут, — мясник фыркает, отрубая кусок мяса. — Говорят, приют её ему за хорошую сумму продала. А ему ведь позарез надо было, а то король земель бы лишил. Срок, говорят, до конца года у него был.

— Ах, бедная, бедная девочка... — в голосе Леры звучит такая неподдельная жалость, что у меня заходится сердце. — И... видел ли её кто-нибудь? Как она?

— Кто ж её видел-то? — мясник пожимает плечами. — После свадьбы — и как в воду канула. Говорят, в дальнем крыле замка упрятал. Или вообще в какое-то загородное имение отвёз. Лишь бы родила ему наследника, а иначе какой смысл?

— Да уж... — качает головой Лира, беря свёрток. — Спасибо тебе, Карстен. Будь здоров.

— И ты не хворай!

Мы выходим из лавки. Я иду, почти не видя ничего перед собой, сжимая в руке свёрток с чистым платьем. Слова «продала», «сиротка», «лишь бы родила» звенят в ушах. Я — это «сиротка»! Я — это та, кого «упрятали»!

Вернувшись в дом, я застаю Мэри запечатывающей конверт сургучной печатью.

— Готово, — она поворачивается ко мне с усталой улыбкой. — Письмо Розы готово. Осталось только отправить с первой же почтой. Через неделю жди ответа.

Я киваю, пытаюсь изобразить благодарную улыбку, но внутри всё сжимается в холодный, тяжёлый ком. Путь к ответам вот-вот откроется. Но он ведёт напрямик в сердце земель моего мужа. И теперь я знаю, что вся его земля уже обсуждает меня — несчастную «сиротку», купленную и упрятанную.

Моя золотая клетка внезапно обрела новые, невидимые, но оттого не менее прочные решётки из сплетен и чужих ожиданий. Надежда и страх теперь живут во мне в одном ритме.

Глава 12

Дни в доме с голубыми ставнями потянулись, сплетаясь в однообразное, но удивительно сладкое полотно бытия. Ожидание ответа из Ризинбурга стало фоном, постоянным, тихим гулом тревоги, который, однако, постепенно отступал под натиском простых радостей.

Утро начиналось с запаха дров, затопленных в печи, и густого, душистого травяного чая, который Лира заваривала в большом керамическом чайнике. Я научила её этому ритуалу: щепотка сушеной мяты, пара веточек чабреца, кружок лимона, натертого сахаром. Пока чай настаивался, я принималась помогать с завтраком. Мои руки, привыкшие к точности кондитера, теперь учились другой магии — магии простой, но сытной еды. Я чистила картофель, нарезала лук, слезаясь от его едкого аромата, и замешивала тесто для лепешек на раскаленную сковороду.

И всегда, всегда я украдкой пыталась применить свою силу. Я сосредотачивалась на зерне в руке, представляя его ароматным, золотистым хлебом, и чувствовала легкое, едва заметное покалывание в кончиках пальцев. Однажды, мешая овсяную кашу, я так сильно захотела, чтобы она стала нежной и кремовой, как в моих воспоминаниях, что по краю котла пробежали те самые золотистые искорки. Каша и правда стала на вкус лучше. Лира похвалила: «Ох, Элис, у тебя талант! Даже простая овсянка с тобой — объединение!» Я краснела и отворачивалась, сгорая от стыда и восторга одновременно. Это была опасная игра, но я не могла остановиться.

После завтрака я помогала Мэри в цветочной лавке. Это было мое любимое время. Воздух здесь был густым и пьянящим, смесь ароматов роз, лаванды, свежей земли и влажного мха. Я училась составлять простые букеты, подбирать зелень к ярким бутонам, заворачивать готовые композиции в грубую, но милую крафтовую бумагу. Мэри, оказалось, была не только сентиментом, но и настоящей художницей — ее руки творили чудеса, превращая обычные полевые цветы в изысканные украшения для стола.

Но главной моей учительницей стала Лира. Однажды после обеда она взяла меня в маленький палисадник позади дома.

— Вот, детка, смотри, — она протянула мне старые, потрепанные садовые ножницы. — Розы — они как люди. Капризные, нежные. Им нужно внимание. Видишь этот побег? Сухой, больной. Его нужно удалить, чтобы силы уходили на здоровые ветки.

Я осторожно, боясь сделать больно, срезала указанный стебель. Лира терпеливо показывала, как правильно делать срез, как подвязывать плети, чтобы они вились по опоре, как поливать под корень, не задевая лепестков.

— Они ведь чувствуют заботу, — говорила она, расправляя бархатистый алый бутон. — Отвечают на нее пышным цветом. И никогда не забывай разговаривать с ними. Рассказывай им о своем дне. Они — отличные слушатели.

Я смеялась, но последовала ее совету. Стоя на коленях у цветущего куста, я шептала ему о своем страхе, о тоске по дому, которого у меня не было, о странной магии в кончиках пальцев. И мне казалось, что розы склоняются ко мне, чтобы лучше слышать, а их аромат становится гуще и слаще.

Постепенно я начала осваиваться в городе. Я узнавала улочки, запоминала лица торговцев. Хозяин булочной, толстяк с вечно припудренной мукой бородой, уже узнавал меня и подмигивал, протягивая свежую, хрустящую булочку с маком «на пробу». Старая травница у восточной стены, от которой пахло сушеным дымом и полынью, учила меня отличать мяту от мелиссы. Я гуляла по мощеным улочкам, впитывая жизнь этого места: крики разносчиков, смех детей, звон колокола с городской часовни.

И все это время мысли о нем не отпускали. Лорд Вейлан. Мой муж. Призрак, преследующий меня. Он был везде: в случайных обрывках разговоров на рынке, в почтительном страхе,

с которым произносили его имя, в самой столице, куда мне предстояло отправиться. Я поняла, что не могу идти туда вслепую. Мне нужно знать своего врага. Или... мужа? Слово все еще резало слух.

Как-то вечером, когда мы с Мэри остались одни, расфасовывая засушенные лепестки для саше, я набралась смелости.

— Мэри... — начала я, перебирая душистые розовые бутоны. — Ты говорила, что твой отец... что он был против Вейлана. Что ты о нем знаешь? О Вейлане.

Мэри замолчала, ее пальцы замерли на мешочке с лавандой. Она посмотрела на меня, и в ее карих глазах плескалась целая буря — ненависть, горечь, любопытство.

— Он не человек, Элис, — наконец сказала она, и ее голос стал тихим и жестким, как сталь. — Он — Дракон. И он правит этими землями не по любви, а по праву сильного, завоеванному кровью и закрепленному унижительным договором. Его ненавидят... и его боятся. Говорят, он холоден, как камень, и беспощаден, как зимняя буря. Он не прощает слабости и не терпит неповиновения. После войны... он жестоко расправлялся с любым намеком на бунт. Моего отца убили по его приказу. — Голос ее дрогнул. — Он ненавидит людей, Элис. Всех. А брак с человеком... это еще одно оскорбление для него. Пощечина от короля.

Я слушала, и мне становилось холодно. Холодно и страшно. Ее слова рисовали портрет монстра. Бесчувственного, жестокого тирана. Таким я и видела его в кошмарах — с янтарными глазами хищника, готового растерзать свою добычу.

— Почему... почему король заставляет его жениться? — прошептала я.

— Чтобы усмирить его род, — пояснила Мэри. — Разбавить драконью кровь человеческой. Сделать будущих правителей слабее, податливее. Это политика, Элис. Грязная и жестокая. А мы с тобой... всего лишь пешки на этой доске.

Пешки. Да, именно так я себя и чувствовала. Заблудшая пешка в игре, правил которой я не знала...

Вот уже два часа как я не могу уснуть. Лежа на узкой кровати под самым скатом крыши, я вглядываюсь в потолок, представляя себе того, чье имя теперь было связано с моим. Холодный. Жестокий. Ненавидящий. Что он делает прямо сейчас, в своей столице, в своем замке? Помнит ли он вообще о моем существовании после той жалкой церемонии? Или я настолько ничтожна, что он уже забыл обо мне?

Мои мысли прервал резкий, настойчивый стук в дверь. Не в парадную, а в заднюю, что выходила в сад.

Мы с Мэри встревоженно переглянулись. В такой час гости были не к добру.

Лира, накинув платок, уже спускалась вниз. Мы замерли на лестнице, прислушиваясь.

— Лира! Открывай, это я, Марта! — послышался сдавленный, испуганный женский голос. Соседка.

Дверь скрипнула.

— Господи, Марта, что случилось? Ты вся трясешься!

— Маги... — задыхаясь, выпалила женщина. — В городе люди Гильдии магов! Ходят, вопросы задают. Ищут кого-то! Говорят, почувствовали сильный, нелегальный всплеск магии на этой неделе. Будь осторожна! У тебя же дочь... мало ли что.

Тишина в прихожей стала густой и звенящей. Ледяная струя страха пробежала по моей спине.

Глава 13

Моя каша. Мои розы. Мои неумелые, опасные эксперименты. Это тот самый «сильный, нелегальный всплеск». Из-за моего ребячества, из-за моей глупости, я навлекла беду на людей, что меня приютили.

Я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Мэри. Её лицо, обычно такое живое и дружелюбное, теперь будто высечено из камня. В её карих глазах нет ни паники, ни укора — лишь холодная, молниеносная расчетливость со

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.